

На следующее утро Му Синхуай поднялся ни свет ни заря. Он решил набрать добрый десяток цзиной каштанов и прикупить сушёной рыбы у тётушки У, чтобы отправить посылку бывшим соседям по городской квартире.

— Мяу!

Му Цзяньго спрыгнул с кресла-качалки и уселся у прохода, ведущего на задний двор.

— Ах да, — спохватился Синхуай. — Можно ещё яиц им положить, куриных и гусиных.

Хотя сезон активной кладки уже прошёл, три курицы и две гусыни во дворе исправно поставляли к столу как минимум два куриных яйца и одно гусиное каждый день. Это были настоящие домашние яйца, чей вкус и аромат не шли ни в какое сравнение с магазинными «продуктами инкубатора». Поначалу хозяин с котом справлялись с такими объёмами сами, но со временем домашние деликатесы приелись, и они перестали их есть с прежним аппетитом. В итоге в кладовой скопился приличный запас. Молодой человек был уверен: бывшие соседи оценят такой подарок.

Упаковав всё необходимое, он обратился к питомцу:

— Ты со мной в уезд на почту поедешь или дома за старшего останешься?

Цзяньго лениво запрыгнул обратно в кресло и свернулся клубком.

— Мяу.

— Ясно, — улыбнулся Му Синхуай. — Значит, дом на тебе.

Однако когда он вернулся из города, то с удивлением обнаружил, что калитка заперта на засов, а во дворе ни души — Му Цзяньго словно сквозь землю провалился.

Синхуай нахмурился.

«Странно, — подумал он. — Обычно, если кот обещает стеречь дом, он не отлучается ни на шаг. Что же заставило его изменить привычке?»

В этот момент за спиной раздались поспешные шаги.

— Синхуай, ты уже вернулся? Как удачно! Взгляни-ка на меня скорее.

Врач обернулся. Это был Сян Юаньмин — один из немногих молодых людей, решивших после учёбы обосноваться в родной деревне. Он арендовал около двадцати му земли под разведение раков и, по слухам, зарабатывал на этом более ста тысяч юаней в год.

Взгляд доктора тут же упал на его лицо. Нос парня был неестественно искривлён и раздулся от жуткого отёка.

— Ого! — Синхуай на мгновение забыл о пропавшем коте. — Это кто же тебя так разукрасил?

— Лу Фэнлян, сволочь такая, — прошипел собеседник, морщась от боли.

Лу Фэнлян? Синхуай припомнил рассказы тётушки Лю об их давней вражде. Всё началось ещё в школе из-за разборок между их друзьями. Приятель Юаньмина поймал друга Фэнляна на шпаргалках и донёс учителям. Тот получил строгий выговор от школы и хорошую трёпку от родителей, после чего молодые люди стали заклятыми врагами.

Позже между ними произошло немало стычек. Был случай, когда Сян Юаньмин хотел арендовать поля под лотосы, а Лу Фэнлян, прознав об этом, втихаря запустил в его пруды несколько ведер речных раков. Разумеется, об этом стало известно лишь спустя годы, когда кто-то случайно проговорился, а тогда никто и не подозревал, что за этим стоит Фэнлян.

Как известно, раки обожают молодые побеги лотоса, и в тот год Юаньмин едва не остался без урожая. Ирония судьбы заключалась в том, что раки в тех прудах расплодились и выросли на диво крупными. В тот сезон цены на них взлетели до небес, и парень вместо убытков получил солидную прибыль, после чего и вовсе переключился на их разведение.

Му Синхуай удивился: раз Юаньмин в итоге не прогорел и даже преуспел, так с чего бы Лу Фэнляну снова лезть в драку?

— И что, ты не стал заявлять в полицию? — спросил он.

— Да если бы всё было так просто... — вздохнул пострадавший. — Вчера моя двоюродная сестра замуж выходила, а Фэнлян оказался родственником со стороны жениха. Вечером новобрачный снял нам залы для игры в маджонг и карты. Кто-то пустил слух, что в одной из комнат парень за час просадил шесть тысяч юаней, вот я и зашёл поглазеть. А проигравшим оказался Лу Фэнлян. Он и так был пьян, да ещё и в ярости из-за карт, а тут я под руку подвернулся. Вот он и сорвался — врезал мне со всей дури.

Сян Юаньмин злорадно усмехнулся, несмотря на боль:

— Но я в долгу не остался. Сразу прописал ему с ноги в грудину, так что он через всю комнату улетел. Говорят, три ребра ему пересчитал. Так что, если по совести, я даже в выигрыше.

Синхуай понимающе хмыкнул. При таком раскладе в полицию действительно лучше не соваться.

— Только вот в больнице, — продолжил Юаньмин, — врач сказал, что нос сам не срастётся, нужна пластическая операция по вправлению кости.

— Ты уже делал снимки? Дай-ка гляну.

Синхуай вытащил рентгенограмму из конверта.

— Перелома нет, внутричерепных травм тоже. С чего они решили, что нужна операция?

— А ты что скажешь? Можно что-то сделать?

— Пустяки, — успокоил его доктор.

Он достал пинцет, тщательно продезинфицировал его спиртом и обмотал кончики стерильной ватой.

— Будет больно, потерпи немного.

— Давай, я крепкий.

Му Синхуай осторожно ввёл инструмент в ноздрю пациента и точным движением скорректировал положение носовой кости.

— Больно, больно, больно! — взвыл Юаньмин, и из его глаз непроизвольно брызнули слёзы.

Через несколько секунд всё было кончено. Врач отложил инструмент.

— Готово.

Он протянул парню зеркало. Тот, утирая слёзы, недоверчиво уставился на своё отражение. Нос стоял идеально ровно.

— Ну ты даёшь! — восхитился Сян Юаньмин. — Я знал, что ты справишься.

Синхуай выдал ему упаковку капсул «Юньнань Байяо».

— Это чтобы снять застой крови и отёк. Принимай по две капсулы трижды в день. И неделю посиди на лёгкой диете, никакого алкоголя и сигарет.

— Это уж точно, — пообещал парень. — Буду дома сидеть, носа на улицу не высуну. Сколько с меня?

— Давай сорок юаней.

Собеседник замер.

— Пстой, одна эта коробка в аптеке стоит под тридцатку. Ты за работу всего десятку берёшь? Ты что, благотворительностью тут занимаешься?

Му Синхуай лишь слегка улыбнулся.

— Считай, что так.

— Но почему? Тебе-то какая выгода?

«Выгода? — Синхуай на мгновение задумался. — Скорее, ради спокойствия души».

В конце концов, люди в лотерею выигрывают максимум по пять юаней, а ему досталось сразу пять Наследий Святого Медицины. Он чувствовал, что обязан как-то отплатить за такую невероятную удачу.

— И ещё я хочу продолжить дело деда — помогать людям, — добавил он.

Юаньмин с уважением поднял большой палец.

— Ладно, не буду тебя отвлекать, пора за работу. В следующий понедельник у меня день рождения, приходи обязательно. Наготовлю раков, пальчики оближешь.

— Приду, — пообещал Синхуай.

После ухода Юаньмина заглянули ещё несколько пациентов, и к тому времени, как Му Синхуай освободился, часы показывали одиннадцать утра.

«Что бы сегодня съесть на обед?»

Он погрузился в раздумья, когда во дворе раздалось знакомое мяуканье.

Синхуай спустился вниз. Перед ним стоял Му Цзяньго, а за его спиной жалась крупная жёлтая собака. Пёс был до того истощён, что каждое ребро можно было пересчитать. Доктор подумал, что кот снова привёл какого-то раненого в драке приятеля, и поспешил навстречу.

— Заходи, не бойся, — ласково позвал он собаку, застывшую у порога.

Пёс осторожно вошёл. Только сейчас Синхуай заметил, что гость что-то держит в пасти. Собака подошла ближе и аккуратно положила к ногам врача придушенного воробья, после чего преданно потёрлась о его ногу.

Он поднял голову, и в его глазах читалась немая мольба.

— А-ау-у.

— Ого, — пробормотал Синхуай. — Это что... плата за приём?

Он внимательно осмотрел пса, но не обнаружил ни одной раны.

«В чём же дело? — Му Синхуай был озадачен. — Если пёс не ранен, то зачем он здесь?»

— Мяу! — подал голос Цзяньго.

Поймав взгляд хозяина, кот уверенно направился к припаркованной у ворот машине. Жёлтый пёс, не раздумывая, последовал за ним. Му Синхуай всё понял. Он открыл дверцу, впуская обоих в салон. Цзяньго запрыгнул на переднюю панель и требовательно ударил лапой по обшивке.

Синхуай завёл мотор и выехал со двора, следуя указаниям кота. Через десять минут они остановились перед покосившейся одноэтажной хижинкой. Если врач не ошибался, это были окраины деревни Лицзя.

Собака выскочила из машины первой и бросилась к дому. Му Синхуай поспешил следом. Проходя мимо стоявшей рядом кирпичной постройки, он невольно задержал взгляд. Стены были закопчены до черноты, а от двери осталась лишь обгоревшая рама — очевидно, совсем недавно здесь бушевал пожар.

Ведомый собакой, Му Синхуай вошёл в лачугу и застыл у деревянной кровати. На ней лежал старик, такой же исхудалый, как и его верный пёс. Нижняя часть его тела была прикрыта ветхим одеялом, а то, что открылось взору выше, заставило бы содрогнуться любого. Кожа старика напоминала растрескавшуюся глину: почерневшие струпья вперемешку с гниющей плотью сочились жёлто-зелёным гноем.

Синхуай невольно ахнул, прикрыв рот рукой. В этот миг жёлтый пёс снова прижался к его ноге и, задрвав голову, издал протяжный, душераздирающий вой.

— Мяс! — не менее горестно отозвался Му Цзяньго.

<http://bllate.org/book/15810/1428787>